

опасность пережитков имперского мышления и декларативного единства, лишенного устойчивого и действенного механизма его реализации.

В.И.Михайленко
Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ ФАШИСТСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Проблема сопоставления двух тоталитарных режимов, столкнувшихся в самой кровавой войне XX столетия, не нова.

В том и другом случаях мы имеем дело с одним и тем же феноменом – наличием консенсуса (согласия) между большинством народа и деспотическими режимами. Причины надо искать прежде всего в самом массовизме тоталитарных режимов. Согласимся с выводом философа М.Мамардашвили: “На самом деле Сталин – это продукт миллионов “самовластий”, вернее, их сфокусированное отражение... Миллионы “сталиных” – это социальная реальность, в которой живет масса властителей”.

На чисто теоретическом уровне можно предположить различие идеалов, ценностей и мотивов, лежащих в основе организации многообразных типов тоталитарных обществ. При этом, если мы не сводим понятие “демократия” только к либеральным ценностям, можно говорить о широкой вариации демократических обществ, включая тоталитарный тип демократии. Введение критериев “левый” или “правый” вряд ли поможет дифференциации режимов на “демократические” и “недемократические” в силу размытости и неустойчивости самих критериев.

Велико искушение вообще уйти от серьезного разговора о природе фашистской идеологии, вынеся фашизм за скобки европейской культуры и цивилизации. Не раз мне доводилось слышать утверждения коллег-оппонентов о том, что “фашизм и европейская цивилизация – вещи несовместимые”. Я вижу в этом попытку отгородиться тезисом о “непорочном зачатии фашизма” от серьезного разговора о фашистском феномене.

Нравится нам это или не нравится, но реальностью современной политической жизни в Европе стало исчезновение противостояния между фашизмом и антифашизмом, столь характерного практически для всего послевоенного периода. Идеологическая и политическая “ось антифашизм-фашизм” подменяла собой и другие дихотомии: прогрессивный-реакционный, левый-правый, умеренный-экстремистский. Падение “берлинской

стены” в массовом сознании окончательно разрушило во многом надуманные и искусственные стереотипы, созданные послевоенной идеологической и культурной конфронтацией.

Использование идеологических критериев “левый” и “правый” вряд ли поможет современному подходу к оценке неофашизма. Итальянский философ Д.Кофранческо попытался дифференцировать понятия “левый” и “правый” в их исторической ретроспективе. И что из этого получилось? Сущность исторической “правой” он сводит к апологетике традиции: “Ничего вне и против традиции, все в ней и для нее”. Иными словами, это защита традиции, верность нации, историческая память, общность исторической судьбы. Напротив, для исторической “левой” характерно стремление к эмансипации, освобождению от традиции, от оков социальных, классовых и расовых привилегий. Среди других дихотомий – индивидуализм и антииндивидуализм, рационализм и иррационализм, технический прогресс и ремесленный идеал, свобода и авторитарность, социальная иерархия и равенство.

В современном политическом лексиконе эти понятия не разделены более китайской стеной. Чего стоит, к примеру, смысл, вкладываемый итальянскими фашистами в понятие “иерархия”, когда в период Муссолини они декларировали “замену классовой иерархии функциональной”? В отечественной историографии очень невянятно исследованы концепции фашистской теории корпоративизма и период муссолиниевской Социальной республики 1943–1945 гг., к которым вряд ли применимо классическое понятие политической “правой”. Я не говорю уже о том, что в зависимости от политической культуры обществ и исторических традиций в содержание понятий “левый” и “правый” могут вкладываться различные смыслы.

Эта проблема дифференциации современной политической жизни привлекает внимание многих ученых, и среди недавних публикаций заметной стала книга итальянского философа Н.Боббио “Правая и левая” (1994). Он обращает внимание на сущность спора между Руссо и Ницше. Первый утверждал, что все люди равны от рождения, второй доказывал противоположное. Руссо считал неравенство искусственным явлением, а Ницше, напротив, доказывал, что оно может проистекать из равенства. Французский философ выводил коррупцию из равенства, немецкий, напротив, из равенства. Надо сказать, что историческое время поставило все точки над и в этом заочном споре.

Норберто Боббио приводит в своей книге данные одного социологического анализа. Из дюжины интеллектуалов, опрошенных в декабре 1993 г. итальянским журналом “*Asterischi Laterza*”, большинство согласилось с существованием различий

между понятиями “левый” и правый”, но при этом они выдвинули самые разнообразные критерии. Это не новая тенденция, еще Ж.-П. Сартр одним из первых обратил внимание на то, что понятия “левый” и “правый” – это как два пустых бокала.

В современной литературе встречается новая дихотомия “прогрессисты–консерваторы”, которая якобы пришла на смену прежней – “левые–правые”. Не вдаваясь в суть дискуссии по этому вопросу, очевидно, можно признать наличие некоего исторического движения, в ходе которого как минимум произошло переименование, заимствование, стирание граней между традиционными идеологиями. Констатируя кризис классических идеологий, было бы преждевременно говорить о кризисе идеологий вообще. Как образно подчеркнул тот же Н.Боббио, “дерево идеологий вечно зеленеет”. Вместе с тем мы вправе поставить вопрос: когда и в какой форме проявляет себя взаимопроникновение идеологий и что позволяет, если позволяет вообще, идентифицировать типы идеологий? И если исходить из наличия дихотомий, то что представляют собой их мутантные, переходные и промежуточные формы?

Заслуживающую внимания точку зрения на этот счет высказал Н.Боббио. Точно так же, как между белым и черным может быть серый цвет, а между днем и ночью – сумерки, может существовать “третья” идеологическая система, отнюдь не в качестве компромисса между противостоящими полюсами, а занимающая промежуточное, самостоятельное пространство. “Не Третий – между, а Третий другой, где Первый и Второй не только отделены один от другого и сосуществуют в их оппозиции, но и сближаются в их взаимозависимости и односторонности”. Продолжая эту мысль философа, очевидно, справедливо говорить не об одном “третьем пути”, а об их вариантности, не о постоянном биполярном идеологическом движении, а о его дискретности и возможности появления равноположенных, многих центров.

Вопрос о теоретической матрице современных идеологий является не менее сложным. Как правило, среди наиболее значительных интеллектуалов, повлиявших на формирование фашистской идеологии, часто называют Л.Ранке, фон Трейчке, Э.Коррадини, А.Бергсона, Ф.Ницше, О.Шпенглера, А.Шопенгауэра, Г.Лебона, Ж.Сореля. С высоты современного научного знания, очевидно, можно с полным основанием признать, что одни и те же идеи, включая человеконенавистнические, входили в идейный багаж идеологий, относящих себя к “левым” и “правым”, революционным и контрреволюционным, что все они являются продуктом одной и той же цивилизации. Не говоря уже о том, что в политических действиях “левый” и “правый” экстремизм зачастую смыкаются.

В этой связи представляется возможным пропустить весь спектр идеологических течений через призму понятий “экстремистские” и “умеренные”. Как это ни покажется парадоксальным, но в ряду умеренных могут оказаться современные социал-демократические, либеральные, консервативные и некоторые коммунистические и национал-правые и даже фашистские силы. Например, в политических тезисах неофашистской партии Итальянское социальное движение к XVII съезду (январь 1995 г.) утверждаются идеи парламентаризма, защиты традиционных для либерализма личностных и общественных свобод, права на жизнь, справедливость, здоровье, учебу и свободу информации, идеи развития местной и государственной демократии, общественного контроля и коллективной солидарности. Кто-то может возразить утверждением, что это демагогия. Но разрыв между “правильной” теоретической платформой и “ошибочной” политикой есть удел не только правых партий. Думаю, не случайно в современной Италии не исключают политических компромиссов между Национальным Альянсом и Партией демократического социализма, возглавляемых соответственно Д.Фини и М.Д’Алема. Не впервые Италия становится европейской политической лабораторией, где происходит апробация самых неожиданных политических решений.

С другой стороны, в российском журнале “Элементы”, который в идеологическом плане тяготеет к европейскому национал-социализму, в редакционном комитете состоят В.Алкснис, А.Проханов, появляются статьи С.Бабурина, коммунистов-геополитиков. Журнал относит себя к радикальному идеологическому “неконформистскому” течению, исповедывающему идеалы “консервативной революции Третьего пути”, солидаризирующемуся с некоторыми элементами коммунистической, социалистической и фашистской идеологий, однако резко не принимающему либеральные идеалы демократии и личностной свободы, парламентаризма. Категорически отрицая американскую гегемонию и ялтинский мировой порядок, журнал противопоставляет им “хорошо интегрированную Евро-советскую империю, которая будет простирается от Владивостока до Дублина и Рейкьявика”, с помощью которой “СССР выиграет затяжную войну”.

Таким образом, на исходе XX в. проявился очевидный кризис классической типологизации идейных течений на “левые” и “правые”, в большинстве европейских стран стерлось противостояние между фашизмом и антифашизмом в культурной и общественно-политической жизни. На первый план вышла другая дихотомия – “экстремизм” и “умеренность” (синонимами последней стали “законность” и “конституционность”), не связан-

ные априорно с “левыми”, “правыми” или “третьими” идеологиями.

При вынесении в центр типологизации критериев “экстремизма” и “умеренности” важно обозначить точку отсчета и сопоставляемые признаки. Ими в рамках современного этапа цивилизационного процесса, на наш взгляд, являются ценности либеральной цивилизации, обеспечивающие наиболее гуманные, по сравнению с другими реальными современными цивилизациями, условия существования человеческого индивида и социума, живой и неживой природы. Не исключаем априорно выдвигания иных, более совершенных цивилизационных проектов, превосходство которых может быть подтверждено лишь в ходе практической реализации.

Итальянский историк Р. Де Феличе одним из первых научно обосновал и исследовал проблему “предательства” фашистским режимом идеалов фашистского движения, иными словами, проблему “разрыва” между декларируемым идеалом и реализуемой моделью. Исторический опыт уходящего столетия научил быть чрезвычайно внимательным к абсолютизации и гипертрофированию в реальной практике, казалось бы, немногих признаков, например примата государства, или национальной почвы, или интернационального единства, которые при определенных условиях могут реализовать человеконенавистнические модели, диаметрально противоположные ранее заявленным ценностям и идеалам.

Таким образом, априорное разделение идейных течений и теоретических моделей по признакам “правый–левый”, “фашизм–антифашизм” является сегодня скорее данью культурной и политической традиции, эмоциональным, чем объективно–рациональным оценочным моментом. Вместе с тем и границы единого подхода к использованию критериев “экстремизм–умеренность” находятся в полной зависимости от однородности цивилизационного пространства. Для одних социальный феномен связан с конституционным наведением порядка, для других – грубейшим нарушением прав человека и геноцидом в отношении собственного народа. Различное видение истории и современной социальной жизни является философски обусловленным.

Чем менее органичным и духовно более расколотым является общество, тем вероятнее соблазн использовать понятия “фашизм”, “экстремизм”, “радикализм” в конъюнктурных политических целях, не имеющих ничего общего с научным подходом и здравым смыслом.